

ГЕРОИНЯ В ОЖИДАНИИ ХЕППИ-ЭНДА

Дмитрий БОБЫЛЕВ
г. Санкт-Петербург

Когда мы имеем дело с поэтической книгой, логично и в содержании нумеровать стихотворения, разве нет? Ведь каждое стихотворение играет роль главы. В книге «Вниз головой» их 55. Это третий поэтический сборник постоянного автора «толстых» журналов, петербурженки, родившейся в Пикалеве, поэтессы Алины Митрофановой. Но в отношении третьего сборника поэтессы можно с полным основанием применить наименование «поэтическая книга»: при всей разности стихотворений, выстроены они таким образом, что образуют цельное повествование с развитием героини.

С самого начала героиню зовет дорога:

*Вот дороги для встреч, вот для шепота тени,
Где-то здесь, где-то здесь да свершится судьба.
Но в стекле лобовом нет совсем затемнения,
И курлычет в нем жизнь и бледна, и слаба.*

В третьем по счету стихотворении картинка почти идиллическая:

*Из дома выйдешь — ты уже в лесу,
И тропы ягод вдаль тебя несут,
И бабушка идет тебе навстречу.*

Но далее оказывается, что самое-то хорошее в этой картинке, самая высокая точка в этом стихотворении — возможность уехать и картинку эту покинуть:

*И мир, как в детстве, весь тебе открыт —
Сесть на коня, лететь, лететь навзрыд,
Финальным разражаясь монологом.*

Дискомфортность сеттинга подчеркивается в том числе выбором объектов для авторского «вживания»:

*Как негры в Африке, голодные деревья
стоят и просят: «Хлеба, хлеба дай!»*

Кажется, героиня сама чувствует себя «негром» на «белом континенте». Аналогично прочитывается:

*Я всего лишь пафосный рисунок,
Профиль из улыбки и печали,
Что чужие пальцы без задумок
На стекле трамвая начертали;
Так стонут чайки за окном...*

В целом в выборе персонажей для субъективации авторского повествования автор симпатизирует слабым. Из классики, в связи с этим, вспоминается «Кто создан из камня, кто создан из глины...» Мари-

ны Цветаевой («Я — бренная пена морская»). Но у классика, несмотря на «бренность», пена все-таки «веселая» и «воскресающая» «с каждой волной», а у Митрофановой краски куда более мрачны:

*Вдали виднелся Чатыр-Даг,
А я была никто.*

В стихотворении «Стекает с рук вода. Любовь — вода...» автор транслирует, что даже возможность потерять чистоту не кажется героине препятствием для оставления родных мест, она опереживает и отчасти завидует тому, кто запятнался, но уехал:

*Мешается и с грязью, и с гнильем,
Собой канализацию зальет
И выйдет в реку мутной и свободной.*

Даже в стихотворении про кота животному приписывается все то же желание героини:

*Ну, погладь еще минутку,
Я возьму и полечу...*

Насколько это противоположно, для сравнения, стихотворению Дмитрия Старостина:

*Это был необычный —
Летающий кот!
Ну откуда мы знали?!
Живёт и живёт...
А он крылья прятал,
застенчив крайне,
и летал не в центре,
а на окраине...*

В то время как герой Старостина летает в качестве хобби, и может улететь, но всегда возвращается, героиня Митрофановой летать не может, а ей-то это было бы стократ важнее, потому что не в качестве хобби, а — спасения. В то время как герой Старостина скромно и скрывает свою способность, героиня Митрофановой кричит об отсутствии оной.

Из стихотворения «Рисуя зиму» — название книги «Вниз головой». Его легко запомнить как «Вверх ногами» или «Вверх тормашками», тем более что даже в указанном стихотворении есть строка «Деревья вверх тормашками висят». Поэтому название ка-

жется неудачным. Но это стороннему наблюдателю, живущему в относительной гармонии с миром. Возможно, из позиции полного диссонанса с миром это название звучит ярче. Из положения героини «вверх ногами» по отношению к недружелюбной вселенной — конечно, не физически, но мировоззренчески.

Отметим, что название текста «Рисуя зиму» отсылает к занятиям живописью Митрофановой, вплоть до побед в художественных конкурсах и публикаций в газете «Гул толпы». В данном случае автор «рисует» картину словами, но суть процесса — изображение зимы — от этого не меняется, меняются только средства. Таким образом, заголовок выполняет функцию аллюзии, отсылающей к процессу создания данного текста.

Белый стих «Как виселица, высятся качели...». Автор обладает высоким уровнем мастерства, что делает не только несущественным, но и незаметным отсутствие рифмы в данном тексте. И тем заметнее развитие сюжета книги: героиня рассматривает возможность бегства теперь уже в прошлое:

*Но прошлого болтается скелет
В петле на детских радостных качелях,
Пойду и отпущу его на волю,
И он мгновенно плотью обрастет...*

Аналогичные случаи побега в прошлое в других стихах:

*А я была никто, нигде,
Но мир любил меня.
И не могу попасть на встречу
С собою, зеленой чуть-чуть.*

В стихотворении «Бестолковый сон дневной...» вся картина мира статична, но в конце, когда героиня засыпает, начинается движение (а движение, как говорят, — жизнь):

*Снится жизнь про нетужизнь,
Про тужизнь и миражи,
Мухи кружат, мухи кружат,
К водопою конь бежит.*

Сколько поэзии в этой как раз последней строке, когда героиня наконец засыпает и освобождается от душащего ее мира! Профессор Юрий Казарин в монографии «Поэзия и литература» приводил примеры стихов и отмечал: вот в этих строках есть

поэзия, а эти — просто стихи. Хоть это и необъяснимо (пока?), но с профессором не поспоришь. Вот и здесь последняя строчка как раз — поэзия.

В данном стихотворении героиня устремляется не в прошлое или будущее, а в пространство сна. Но что интересно: во сне героиня все равно статична, ведь бежит конь. Кажется, будто она сама верит с трудом, что способна к побегу, и перекладывает эту мечту на других (коня). Здесь это выражается еще и интересной работой интертекста. Слова «тужизнь» и «нетужизнь», по словам самой поэтессы, навеяны поэзией Александра Курапцева, автора книги «Иван-душа». Курапцев часто вводит аналогичные неологизмы, как то: «мутноглазое окошко», «а кругом снегим-снега», «не ходи в Тудырку» и даже «Пафнутий Стаканыч». Вольно или невольно, но интертекст работает здесь таким образом: поэтесса перекладывает способность к движению (и шире — действию вообще) на другого субъекта речи, т. е. на лирического героя курапцевской поэзии.

(Аналогичный случай:
Стихи летят, стихи уносятся
И в вудииалленов Нью-Йорк.

— улетают стихи, а героиня не способна.)
Периодически автор выдает блестящие неточные рифмы:

*Снится жизнь про нетужизнь...
К водопою конь бежит.*

К подобному типу рифмовки Митрофанова прибегает нередко, что можно только приветствовать в условиях современной усталости от точных рифм, когда стихи с точной рифмой сначала навевают скуку, а уж затем вспоминают об авторской задаче. Приведем еще пару примеров удачных неточных рифм:

*Но предвкушеньем двор наполнен весь,
Я захожу в безвыходный подъезд...
Пославший всё к чертям...
Лишь травы шелестят.*

*Поезд едет одну бесконечную жизнь,
А придет в крошечную ночь,
Бесконечные будни о чем-то дрожат
Этот лист, что вот-вот ты сорвешь,*

и др.
Я был в раю, я был не рад...

— отчего-то данный текст напоминает тексты панк-группы «Потомучто», группы с тоже неудачным названием и с не очень-то удавшейся карьерой — как феномена позиционирования всего русского панка, «пропащего» и веселого в своем отчаянии. Неожиданно традиционалистская поэтика Митрофановой оказывается не чужда философии панка.

Следующий далее верлибр «На могиле Волошина в Коктебеле» — казалось бы, должен в меньшей степени рассказывать о героине, но именно он наталкивает на метафору всей книги:

*Но ладони, как милостыни, просят
у безымянного:
«Сейчас, сейчас...»*

Книга «Вниз головой» — это просьба.

А дальше — стихотворение «Облака», из которого понятно (если не было очевидно раньше), о чем эта просьба:

*Тем листом буду я, ты над ним будешь — Бог,
Вот судьба моя — повелевай!*

Героиня не чувствует себя способной начать движение, ей нужен некто извне, кто «придаст ускорение» или вытащит ее из бездны прокрастинации. Книга «Вниз головой» — это просьба забрать героиню из ее постылого бытия.

Стихотворение «Если выпала дорога...» — гимн дороге:

*Ведь всего правей дорога,
Ведь всего левей дорога,
И всего мудрей дорога,
И всего она честней.*

Этот текст — один из самых больших в книге, он напоминает о главной книге Джека Керуака «В дороге», а ведь именно «Собака Керуака» — «фестиваль интересной поэзии» — в течение пяти лет проводила Алина Митрофанова вместе с другими энтузиастами. Похоже, что тема дороги важна для поэтессы не только в литературе, но и в жизни.

В попытке бегства от постылой реальности героиня закономерно приходит к алкоголю:

*Горло ласкаю вином...
Вина бокал — он будет про меня...
Пить одной...*

Но этот путь не решает проблемы, и героиня продолжает поиски своего места в мире. Это тупиковая ветка сюжета, не находящая развития.

На протяжении всей книги автор рисует портрет героини (не автора, поскольку это не документалистика, а «художка»). Каждое стихотворение — это либо описание состояния героини, либо других явлений, но в аспекте их отношений с ней:

*И говорить, и всем себя рас-
ска-
зы-
вать.* (Данные строки могли бы стать эпиграфом к книге.)

*Вдали виднелся Чатыр-Даг,
А я была никто.
Есть только я...
А почему все фильмы про меня?
А почему все книги про меня? (в первую очередь,
конечно, — книга «Вниз головой»).*
Лес будет парк, а ты в нем посторонний...

Неожиданно в конце книги героиня никуда не уезжает (в отличие от поэтессы, уехавшей почти

на год в Крым, но все же вернувшейся). Ближе к концу книги стихи обретают иронический оттенок:

*Страница на «Журнальном зале» —
Шанс в вечности остаться дали...*

— и проистекает это из понимания героиней бессмысленности бегства, поскольку непокой живет в ней самой, а везде — одно и то же. Принятие этого факта неожиданно приносит успокоение героине, а в окружающем мире обнаруживаются и положительные черты. Заключительное стихотворение книги совсем не так беспросветно, как стихи из начала книги:

*Этот ласковый снег летит
из какого-то хэппи-энда,
Из красивого фильма не про меня.
В моем же — до хэппи-энда еще идти и идти,
Ехать и ехать,
Жить и жить...
Но сегодня я бреду по белой улице,
Любуюсь на расцветший от снега город
И получаю хэппи-энд авансом.*

Вот такая история возникает перед нами, если читать книгу поэтессы Алины Митрофановой как цельный текст.

Алина Митрофанова. Вниз головой.
— СПб, ГАММА, 2024.

Дмитрий Викторович БОБЫЛЕВ

родился в 1987 году в г. Серове. Окончил филологический факультет Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, степень магистра, диплом с отличием. С 2014 года живет в Санкт-Петербурге. Член Санкт-Петербургского союза литераторов. Путешественник. Публикации в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Наши современники», «Нева», «Урал» и др. Автор книг стихов «Флажки на карте» (Екатеринбург, 2017) и «Улица Бобылева» (СПб, 2023); книги прозы «Ксякся» (СПб, 2023).

